

Ауробиндо Гхош

В полночном безмолвье

В полночном безмолвье, в свете зари или полдня
Я слышал вечности флейты,
солнцекрылых видел серафимов.
В бескрайней пустынности гор,
в безбрежном волненье моря
Есть отблеск необъятности Бога,
легкие касания совершенства.
На миг, но безмерный улыбнулись чувства,
от своих избавясь пределов.
Краткий взгляд, намек, но душа с тех пор глубже, шире.
Бог отметил свое создание.

В порханье, паренье, полете бабочки или птицы,
В страстном крылатом крике в высоких кронах,
В золотом оперенье орла, в львиной гривастой и желтой
славе,
В тайнописной расцветке безгласных иерофантов
природы:
Орхидеи, тюльпана, нарцисса, розы, лилии, лотоса —
Отблеск вечной красоты трогает душу, сердечные струны.

Танец Космоса

(Танец Кришны, танец Кали)

Два ритма в танце космоса. Всегда
Нам Кали поступь быстрая слышна.
В ней боли и надежды череда,
В ней жизнь — игра, что сладостно страшна.
Миг Посвящения, что так жесток,
Герой, с которым Смерть сошлась грудь
в грудь,
Гимнасий, где с атлетом спорит Рок,
И жертва — к счастью одинокий путь,
Страдания, что к Тайнам путь торят,
Тропинка Истины сквозь сны Времен,
Из склепа Плоти для Души семь врат —
Все ритм ее включает испокон.
Но что же смеха звонкого не слышно
И в маске счастья не танцует Кришна?

Дитя весны

(На день рождения Васанти)

Ей имя — весна, за чей цвет и травы
Мы воспоем творца.

Весна, чья прелесть над ней витает,
Весна, чья сладость не покидает
Ее лица.

Да, нынче лето, в палящем свете
Долина и ручей.
Увяло все, поблекнув от зноя,
Но то, что исчезло, мелькнув весною, —
Как прежде, в ней.

А мы изумлены и печальны:
Она цветет и растет.
Ведь нам казалось, ей восхищенным,
Что может бутон оставаться бутоном
Из года в год.

И думаю я (хоть каждому лето
И осень суждены),
Что ее душа не растратит дара
Хранить в измененьях сладость и чары
Своей весны.

Дитя, чудесное предназначенье,
Тебе дано судьбой.
Так цветок со старым храмом в соседстве
Дает обаянье вечного детства
Земле седой.

В божьем саду огнистых и ярких
Цветов не перечесать.
Розы, тюльпаны, да, горделивей,
Но света столь нежные переливы
Где в мире есть?

Храни же весну под ливнем и солнцем
На долгом своем пути.
Сердца родных красотой услаждая
И нежный, счастливый долг исполняя —
Любимой быть и цвести.

Загадка человека

О человек — загадки нет темней
Сознанию — инстинкт дает закон,
Восторг — в науке горя обретен,
И в сердце с хаосом слит эмпирей.
Его незнание — мудрости мудрей,
Рассудок рассекает глубь времен,
Но по грязи плетется к чуду он,
Познав и плоти власть, и мощь идей.

Все силы обретают в нем оплот,
Стремясь достичь над миром торжества.
Он — то пигмей, то подлинно велик,
Игра природы, муки божества.
И полубог, и демон он, и скот,
Раб и творец судьбы в единый миг.

* * *

В непонятом не молкнет Божий зов.
И на полях судьбы, где мир уснул,
Шуршащего безмолвия покров
Лежит, сокрыв невысказанного гул.

Но задрожат лазурные врата,
И красота вблизи очам видна.
Коснулись рая руки и уста,
И неземная участь нам дана.

И в нас сияние из горней тьмы,
Та недостигнутая благодать,
И как наследье обретаем мы
Мир, чьей бескрайности не передать.

Немыслимое — новых дней намек,
А смерть сама — бессмертия залог.

Карликовый Наполеон

(Гитлер, октябрь 1939)

Фантазией нас поражает майя,
Неистовое чудо порождая.
Влилось в реальность все, что невозможно,
Магического жезла быстрый взмах —
И червь гигантом стал и плотью прах.
Землей овладевает сверхничтожный,
Как прежде исполин Наполеон,
Чей ум огромен был и окрылен,
В чьем сердце были шторм и штиль морей,
Чья воля быстрой хваткой всех сжимала,
Чье зрение миры обозревало,
Не упуская жалких мелочей.
Глубинный, титанический порыв
Он укротил, надеждой одарив.
Нет, этот — из материи другой,
Он — гном и занят низменной игрой,
Сошлись в его натуре сталь и грязь
И мистика и разум неглубокий
(Однако и коварный и жестокий),
Он — эгоист сентиментально-грубый,
Что прожил молодость, не веселясь,
Знал лишь надежд и ужаса приливы;
Нервнобольной, и буйный, и слезливый,
Ребенок, дьявол и последний скот,
Оратор, воющий, оскалив зубы,
Пророк дурной навязчивой идеи
На сцену вышел как прогресса вождь.
Ждет триумфальной арки эта мощь,
Чья тень от Альбиона до Кореи.
Мир держит он в руках, как зрелый плод,
Ступает — рассыпаются державы
И ждут народы в панике бессменной
Судьбы, летящей с губ, покрытых пеной.
Он карлик, но за ним стоит Титан,
Избрав его как инструмент расправы,
Титан, который свет и дух презрел.
Ценя лишь мощь бездумно-ловких тел,
И мыслит человека сделать пылью,
Чтоб мир стоял на стали и на силе,
Чудовищный осуществляет план,
Сминая разум и ломая волю,
Чтоб из тисков не вырывались боле.
Толпа стоит, призывами пьяна,
Но коль держава тьмы всем суждена,
Не избежать ужасного исхода.
Тогда инстинкт вернет былые лавры
И человек — сознание Природы —
Падет в глубокий первородный мрак,
Существование окончив так,

Как прежде мамонты и динозавры.
Чернее ночи виснет тень одежд Титана
Над всей землею, страхом обуянной.
...А он не спит и смотрит в сумрак серый,
Пока о том, что делать каждый час,
Ему не прогремит верховный Глас,
Внезапный, резкий, как прыжок пантеры.
Однако слишком он земной и хилый,
Чтоб содержать в себе всю злую силу,
Творящую и мысль его, и крик.
Он не сосуд ее — лишь проводник.
Звероподобен и непобедим,
Он все захватывает, ей гоним,
Доколь не встретит на пути своем
Сильнее дьявола иль Божий гром.

Раздумья Мандавыи

(Фрагменты)

* * *

О радость исполнения желаний!
О радость поражений и утрат!
О сердце, возвышающее мир!
О сердце, что его впивает муку,
Над ним склоняюсь! Любовь, люблю тебя
И обнаженной и в ужасной маске,
Люблю не только тешащую сердце,
Но и на части рвущую его.
Люблю твое вниманье к всякой твари,
Люблю за радость, что живет в вещах,
Еще люблю — за все страданья наши.
Тебе не возражу и не скажу,
Что нет тебя. Питаема усладой,
Легка любовь. Но любит только тот,
Кто и в мученьях продолжает ласки.

* * *

Багровогрудый, бирюзовокрылый,
Ты, выпорхнув из-за огады сада,
Явился мне; чуть посидел на ветке
И улетел, мое оставив сердце,
В экстазе. Будто молвил: «Я пришел,
Чтоб ты увидел красоту мою,
И ухожу, ведь ты познал Любовь».
И вечно так: поманишь и исчезнешь,
Но наши вслед тебе летят сердца.

* * *

Когда я вышел ночью на террасу,
Явился он, меня ужалив в ногу.
Слиянием влюбленных насладилась
Моя душа. Тут мысль о скорпионе
Мелькнула. Но душа, запомнив счастье,
Отвергла разум, и, объятый болью,
Я убоготворенно засмеялся.

* * *

Все, все достигнуто! И боль мертва.
О ты, экстаз, что в логове своем
От сотворенья мира ждал меня.
О хищник, рвущий душу мне так сладко,
О ты, неистово-прекрасный Боже!
Жестоко-чудный! Милостиво-жгучий!
О ночь, когда услада бесконечна
В твоих объятиях! О ужас ласк!
История, приемлю пот и кровь
И то, что стерло их! Ведь цель творенья
Себя отдать за исступленный миг

Явленья затаившегося Бога.
Пусть весь мир придет теперь к концу:
Его предназначенье свершено,
И я тобою, Боже, поглощен.

* * *

Теперь я верю, что возможно тучи
Согнать с небес, утихомирить гром,
На молнии надеть узду. Однако
Мы верой подчинить должны сперва
Того, кто склонен быть покорным, кто
Своими скован слугами, погряз
У всех соблазнов и капризов в рабстве.
Да, силу любит человек, но силу,
Что не перешагнет за свой предел.
А для чего предел? И почему
Не смеем мы отдаться целиком
Безмерной мощи? Надо рисковать:
Ведь если гибели не избежим,
Бессмертья и всемогущества достигнем.
Ведь ни моря, ни даже океан,
Который поднят штормом на дыбы,
Нам не пример. И сам небесный свод —
Не настоящий образ человека,
Чей космос разумом неизмерим.
Есть что-то в нас, что наугад плывет,
Не опасаясь запредельной ночи,
За чувств рубеж. Душа нагая сможет
К бесформенной причалить пустоте,
Где никого нет, кроме нас, и там
Остаться. Но смирится ли с пределом
Тот, кто не зверь, не глина, не трава?
Быть совершенным, превзойти пределы,
Мир почувствовать игрушкой меж ладоней...
Один лишь раз почувствовав поток
Гигантской силы, движущей мирами.
Познал я, что рассвет придет в тот час,
Как человек, в земле играть окончив,
Подыметесь и, взяв светила в руки,
Свой прежний дух и облик воссоздаст.
Боль и разлад тогда оставят мир,
И мертвая пустыня примет розу
И лепет ручьевой. И человек
Предстанет подлинным подобьем Бога.

* * *

Нет, я не болен, Боже. Это — жажда.
Раз жажда есть, то где-то есть вода.
Но в этой жизни не всегда мы можем
Ее найти. Ведь на пути сидит
Фантом былых сомнений и страстей.
Но есть ли жизнь еще, что нас насытит?
Я жду ответа, Господи, я жду!

* * *

Что есть Любовь, не найденная мною?
Я Бога в небесах вообразил,
Его я видел в колыханье листьев,
Его слышал в журчании ручья,
Его страшился в быстрых бивнях молний,
Его мне не хватало в ночь немую,
И Он будил меня с зарею новой.
Я говорю теперь, что нет Его,
Лишь Пустота, что немо изрыгает
Бесчисленных личинок в пустоту,
Которая ее несчастней даже,
Поскольку чувствует. И коль правдив
Сей сон, где исполинская игрушка,
Зовущая миром, все кружится,
Кружится и кричит, кровоточа,
Живя в колесовании извечном, —
Тогда каким кощунственным прозванием
Нам лучше оскорбить тирана Бога.
Пусть это слово все найдут и ввысь
Взметнут единым криком, может быть,
Он рухнет от такого отрицанья,
И мир несчастий ожидает счастье,
Ведь где в созвездьях этих знак Любви?
А та, что представляется Любовью,
Личину скоро снимет, ведь ее
Сюда послали умножать страданья.
Нет, не Любовь, а Смерть, чей лик под маской,
Смерть, глядящая ласково добычу
Пред тем, как проглотить ее и взяться
За новую. Вот зверский образ мира.

Стихотворения 1890 — 1900

Песни к Миртилле

Главк:

Ночь сладка, сладка и холодна
Как к жаждущим губам прильнувшая волна,
Сладка, когда попрятались цветки,
Лишь лунные струятся ручейки
Подобно светлячкам в лесу молчащем,
Чтоб с одиночеством общаться в чаще.
Когда земля наполнена шуршанием, когда
Умолкли голоса, как будто навсегда,
Лишь высшего неведомая сила
Невидимым повсюду наследила,
Когда над кронами деревьев могучих
Ночь возлегла на лучезарной туче,
А мелодичный бриз поет все время,
Скрываясь в сумраке причудливых деревьев,
Тогда отрадно предаваться неге
С луною ясной в слушающем небе.

Этон:

Но слаще день, и утра свет
Звезд тусклое сиянье свел на нет.
И будит ранняя роса

Цветы, открывшие глаза.

О как приятно заново родиться

И воздухом незрелым, девственным и сладким насладиться!

Мелодии зари прелестны:

Шуршанье крыльев, шепот леса,

На крышах птичье щебетанье,

В зеленых кронах птиц порханье,

Пастушья флейта среди стад,

С вершин спешащий водопад,

О сладкие часы! О сладкие мгновенья!

О звуки сладкие, цветов дневное наслажденье!

Блаженство — утро, золотым покоем день отмечен,

И сердце биться чаще заставляет вечер.

Все вещи ощущают благодать,

Но три — особенную сладость:

Бриз, в небеса влекомый,

С планетами знакомый,

Зеленая весна с цветенья правдой

И сердце юности отрадной.

Для всех — цветов цветенье,

Дневного ветра пенье,

А ночью в океане

Он спит в густом тумане.

Подобно танцовщице море

В жемчужном и сапфировом уборе.
Утром роса и солнечный свет
Жизни готовят новый расцвет.
Год — лишь цветов маскарад:
Света и песен, и ливней парад.
С приливом прилетает птица снова,
Чей щебет — лишь одно магическое слово,
Одно лишь слово, что способно принести
Ветвей зеленый цвет и радости весны.
Лето имеет прекрасных друзей:
Лилий и роз, и приветливый шелест ветвей.

Главк:

Но кто в апреле тратит время зря,
Забыв про увяданье ноября?
Тогда уж нет цветов
И радостных часов.
И с веток, пораженных тягостным недугом,
Слетают листья неохотно друг за другом.
И сердце переполнено страданьем,
И шум дождя становится рыданьем,
И зелень отступает,
И песнь умолкает.
И умирает лета радость,
Приливов и цветов былая сладость.

Не слышен смеха звон,
Все превратилось в стон.
Ценители земли одежды прежней,
Покровов красоты, накинутых небрежно,
Где вы теперь? Где бабочка? где птица?
И песнь ваша почему не длится?
Земли краса растрочена, очарование прошло,
И вы надеетесь, что повториться все должно.
Когда потерял юностью ее волшебный свет,
Все остается прежним, но восторга больше нет.

Этон:

Ах, на минуточку оставим позади
Гадеса и его суровые пути.
Забудем прошлого и будущего лик,
Ведь жизнь — это только краткий миг.
Ты б лучше научился у фиалки
Дарить цветенье нежное, ее часы столь жалки,
У колокольчика — у девы неприкрытой,
Чье время убегает как песок сквозь сито,
У наперстянки, маленькой травы,
У чабреца, помощника пчелы.
Взгляни на ящерицу
С пятнами на спине
На обласканной солнцем стене.

А вот, смотри на землю:

В клубок свернувшись, змеи

В розовом вереске прячутся.

Теперь сюда гляди:

На розу губ летит

Пчела к тебе, прекрасна,

И шепчет сладострастно,

Забыв про чабреца.

Предвиденьем конца

Не омрачай свой радостный расцвет,

Живи подобно им, не зная бед!

Когда же свой растратишь аромат,

Тогда, поверь, тому ты будешь рад,

Что насладился в жизни всем,

И радости игру оставишь насовсем,

Листок, что развлекался с каждым солнечным лучом,

Листок, что с каждым ветром заплутавшим был знаком.

Главк:

Как многочисленны твои создания, земля!

Вот роза распустилась в свете дня,

Как будто бы волшебное сиянье

Весеннее даря благоуханье.

Ветра и солнечные блики, росы и шмели

Ее ласкают, полные любви,

Ловя ее прекрасное дыханье.
Вся жизнь ее — одно в любви купанье.
С ней вместе целый мир благоухает.
Ветрам любовь раздав, она, вздыхая, умирает.
Жизнь лилии чиста,
Но любит и она,
Блаженству отдана.
И в поисках любви
К ней пчел летят рои,
Для них она проста.
А вот подснежник холодный
Дает обет благородный.
В любви он радость не находит
И в одиночество уходит.
Весеннему долгу верный
Цветет первоцвет первый.
Крокус не жаждет весну получить,
И первые солнца лучи
Одаривают жимолость богатым даром,
И летний лунный свет ей достается даром.
Так дети многоликие земли
Имеют все характеры свои:
Одни — горды, другие — сладострастны,
И многие из них любви подвластны.

Любовь по морю шла,
Когда меня нашла.
Багряным был оттенок крыл,
А голос столь приятен был.
Ее глаза и облик весь
Несли с собой печали весть.
Ее прекрасных губ черты
Напоминали мне цветы.
Из кипарисовых ветвей
Венок волшебный был на ней.
Прекрасна как сама весна,
Печальна как зимой волна,
Приятна словно асфодель,
О лилия! О Флоримель!
Ты — сердца верного улада,
Тепло моей зимы и лета моего прохлада!

Этон:

Не на морской волне
Любовь явилась мне.
Нашел я словно клад
Ее счастливый взгляд.
Она пришла шутя,
Беспечное дитя,
Подобна розе красной,

Торжественно прекрасной,
С дыханием ветров,
С гирляндами цветов,
Когда передо мной возник
Прекрасной Цимотеи лик.
Чей смех как света луч,
Что бродит среди туч
И в сумрачном лесу
Вдруг режет полосу.
Но будет ли свет этот милый
Рядом с серебряным светом Миртиллы?
Подобен он свету огня
В сиянии солнечном дня.
Вас сравнивать друг с другом
Что можжевельник с дубом,
Великолепье розы
И простоту мимозы,
Бессмертное благоуханье
И мимолетное дыханье.

Главк:

Но Флоримель перед тобою
Бледнеет как свеча пред утренней зарею.
У ног твоих подснежник расцветает,
И словно полная луна чело твое сияет.

Ты словно прутик ивовый хрупка,
Так призрачна и так легка
И вместе с тем сильна как устремленный бук.
Волшебны ласки тонких белых рук,
Для поцелуев созданы уста,
И глаз твоих прелестна красота.
С кем может сравнивать тебя поэт?
С богинею морей, с царицею планет?
Золотокудрую, с улыбкой на губах.
Ты на сестер своих наводишь страх
И заставляешь их скитаться вдалеке.
Иль ты — сирена на морском песке,
Поющая чудесным голосом, пока
Не соблазнишь обманутого ветром моряка?
Ах нет, они с тобою не сравнятся!
Прекрасней ты сокровищ, что в морях хранятся,
Создание нездешней красоты,
Наяда призрачной мечты,
Нагая, не доступная для взгляда,
Танцующая среди дубов Дриада.
Творения чудесней не было на свете
На протяжении бесчисленных столетий.
Твоя затмила Граций красота,
И от любви пылают алые уста.

Совершенство движенье свое

Вечно во мне совершенствуй движенье свое,

Владыка ума!

Серый мой мозг освещает сиянье твое,

Светоч и тьма

Связаны вместе тобой, мир и покой

Ты сочетаешь мыслью своей золотой,

Нитью письма.

Плоскость ума ты сделал своею тетрадкой,

Мой Господин!

В ней ты себя изливаешь украдкой,

Или один

Вдруг рассмеешься, силой своей вдохновленный,

Лист разорвешь и снова начнешь, опьяненный

Радостью творческих вин.

Фазтон

О тополя, рыдающие на отлогом склоне,

С полян прибрежных наклонившись к водам,

Над вами сумерки, подобны черным сводам,

Плотней смыкают мрачные ладони,

Скажите, отчего предались вы невзгодам,
Зачем слезам стекать по вашей кроне,
Зачем искать отдохновенья в стоне?

Быть может оттого, что все сильней
Златая Осень, увядания эстет,
Торжественная смерть прекрасных лет
Вам досаждают близостью своей,
Ваш мягкий мох слезы испачкал след,
И скорбное качание ветвей
Слагает реквием последних ваших дней.

Почитателю

I

Возможно, мой никчемен стих,
И песнь моя проста,
И жизнь моя пуста,
Поскольку ты увидел в них
Лишь грубых образов игру,
Нездешних птиц услышал зов,
Незрелых звуков кутерьму

И немоту любимых слов.

Ты заявляешь без прикрас,
Что я — не маг и не пророк,
И не звезды зловещей рок,
Не гром, не Божий Глас.
Ты говоришь, мне негде взять
Ни пламенного знания,
Ни слов, способных зло изгнать,
Ни сладкого желанья.

Не Байрона — мое копье,
Не Вордсворта — прозрачность,
Не Шелли — многозначность,
И слово Китса — не мое.
Влеком индийскою волной,
Затмил я прошлое собой,
Игрой на дудочке своей
Короблю эхо прошлых дней.

II

Мой друг, когда мой дух впервые ощутил свободу,
Я из исхоженного лабиринта выйти смог.
Блуждая мириадами Фантазии дорог,

Я словно книгу изучал Природу,
В которой люди ищут смысл, но я узнал,
Что мертвой буквы нет в цветах,
И ветер мне мораль не прочитал,
И я не разглядел послания в снегах.

Мне маргаритка как звезда,
А крокус для меня
Как золотой рожок огня,
Нарцисс — как ясная слеза.
Дыханье золотое Бога, первоцвет,
Считаю я наследием поэта,
А лилий серебристый цвет —
Благоуханием его сонета.

Не Солнцу славу я пою,
А сумраку ночей,
Невзрачный соловей,
Не зная, почему, поющий песнь свою.
Он льет вино прекрасных нот,
Пытая звуками свой нежный рот,
Поющий песнь свою, не ведая, к чему,
Не умолкая ни на миг — иначе смерть ему.

Эстель

Твои глаза, Эстель, глядят,
Как в небе сестры их горят.
Но рассмотреть не в силах небеса
Твои прекрасные глаза.
Планеты слепо бороздят пространство,
Разыскивая счастье тут и там.
Моя земля слагает гимн твоим молодым летам,
Мой дух — твоих несметных солнц убранство,
Распахнутых подобно пламенным вратам.

О суета

О суета, весны посланник сладкий,
Оставь свой радостный призыв и плач оставь.
Они напоминают мне побеги молодые,
Осоки нежный цвет, душистые ветра,
Листвы зеленой счастье, тишину,
Природу, воплощенную в деревьях...
Одна река журчала, и жужжал
Неспешный шмель, натруженный и вялый,
Нашедший рай в благоухании, и вяхирь

Свою божественную песнь пел.

О как приятен сердцу моему твой голос,

О суета в очнувшихся ветвях.

Но для меня блаженство обернулось горькими слезами!

Но для меня стремительная радость, что дороже жизни,

Всего лишь краткий продолжалась миг! О чудный день,

Венчающий блаженство тех прекрасных лет!

Сияние моих влюбленных губ

Подобно розе увядающей померкло.

Его был голос слаще шепчущей листвы,

Его любовь меня, подобно воздуху весеннему, повсюду окружала.

Лишь пять часов запутались в ловушке суеты,

Когда возлюбленного голова лежала на груди моей счастливой.

О голос слез! О радость, призывающая смерть!

О боль, пришедшая, когда еще не смолкли звуки смеха!

О глас весны неумолкающий! Я вновь лежу

В тени благоухающих деревьев, рядом

Невидимый щебечет жаворонок в молодой листве,

Древесный червь настойчиво взбирается по ветке —

Ты водами, влекущими тебя,

Быть можешь успокоен, ведь тебе

Заря приносит сладкое вознаграждение за слезы,

Она, твоя любимая, утешит боль твою.

А я одна осталась в сердце плодоносных дней,
Я овдовела пред лицом удачи.
Разносится мой стон бездомными ветрами.
О суета, я плачу по тебе.

Ніс Јасет*

Гласневинское кладбище

Взгляните, патриоты, на свою награду!
Вот человек, отдавший жизнь за правду.
Чью мать замучили, унизили, казнили.
Чей дом непрошеные гости посетили.
Взгляните на нее! Теперь она,
Ужасна и себе верна,
Неистово метает громы —
Сама Паллада с головой Горгоны!
Ее могущество прошло? Закончилось виденье?
Она сама свое растратила везенье?
Но не напрасно все, и может повториться
Все то, чему уж довелось случиться.
И вот она вновь силу обретает,
Подобна богу, к небесам взывает,
Румянец битвы на ее щеках,
Могучим голосом она наводит страх

Как Сфинкс, который ждет ответа,
Скрывая часть великого секрета.
А он, ее из пепла возродивший,
Среди ее богатств остался нищий.
Где он теперь? Каким владеет тронем?
Сердцами чьими правит? Только стоном
Он награжден Ирландией своей
Да каменной плитой — венцом достойных дней.

* Здесь лежит (лат.) — начало эпитафии. (Прим. пер.)

Строки об Ирландии

1896

Уже ль настойчивых шесть сотен лет
Теперь Судьбою сведены на нет?
Столь много лет борьбы, столь много лет
Трудов тяжелых, горьких слез, побед.
Она вела религиозную войну.
Судьба и орды не могли сломить страну,
Способную сражаться и держаться.
Божественность могла в ней отражаться.

Она была богинею самой!
В ней нации с поверженной судьбой
Прекрасный образ зрели мятежа,
А не предмет чужого дележа.
Порабощенных наций зеркало, она
Была захвачена, но не побеждена.
О переменчивость людских заслуг!
Как изменен, как пал ее нетленный дух!
Она была Ирландией. Ирландия погибла.
Судьба английской нищенки ее постигла.
Теперь она, презренная, валяется у двери,
Тому лишь рада, что ее призрели.
Она, которая вчера еще не ведала позора,
Не отводя от славной цели взора.
Неужто несколько величественных дней,
О мать и нянька героических людей,
Твой неизменный гений износили,
Приверженность бесстрашию и силе,
Разрушили неистовства природу?
Но нет, не время — ты растратила свободу.
Поскольку силе не дано чужой,
Враждебным звездам, испытанию войной —
Что б злые языки ни говорили —
Повергнуть нацию, предать ее могиле.
Ведь люди — не безмолвные рабы,

А повелители, творцы своей судьбы.
Копать им яму, им же миром править.
И ты сама теперь должна себя исправить.
Несчастливая страна, будь мудрой, наконец!
На вид слаба, могучих дел творец,
Что потрясают изумленные народы.
Невидимый, всесильный дух свободы
Тобою изнутри повелевает
И слабости твои одолевает.
Вот то, что делает тебя благословенной
И наделяет санкцией священной.
Могла бы ты работою своею
Равняться с гордостью и властью королей.
Но ты теперь сама себе не внемлешь,
Божественную помощь не приемлешь.
Ты прошлое свое в легенды обратила,
Где лишь жестокость грубая и сила.
Что ж мудрость и умение направить
Все помыслы в одно должны тебя оставить.
Благая цель с работою тяжелой
Не уживутся вместе с самозванной сворой,
Способной победить лишь мертвеца,
Своими рассуждениями глупца
Коробящей почтенный слух, но редко кто откажет
Себе в желании узнать, что глупость скажет.

Равняет с гением себя дурак, но бог,
Смеясь, ему подводит свой итог
В аду вещей ненужных и пустых.
Как пала ты в руках властителей таких!
Ничтожные сердца в руины превратили
Свою страну и по миру пустили.
Так небеса, отвергнув свой удел,
Нисходят до обычных ртов и тел.
А те подобно сборищу менял
Твой променяли высший идеал
На выгоды свои, но было б это бремя
Немыслимо, когда б на время
Твой гений силу бы обрел, оно
Страстям разнузданным и низменным дано.
Так древле против войск ефратских
Горсть слабых ионийцев вышла драться.
Но быстро от сражения устав,
На азиатский брег оружие побросав,
Они под сень олив зеленых побежали.
Радетели свободы, хорошо вы знали,
Что труд тяжел и требует старанья,
И все же не прошли вы испытанья.
Ирландия надежды мира обманула,
Главу свою пред лавром не нагнула,
Скорее, пред врагом, страданием, неволей,

Гражданскою войной. Божественною волей
Произнесенный не услышан был приказ.
Поэтому душа ее сейчас
В Гласневине нашла успокоенье.
Но вечного ума суровое стремленье,
Отвергнутое человеком, цену заплатило
И в небесах свободу все ж вкусило.
Высокой славы призрак неизменный,
Горюешь ли ты там, о дух нетленный,
Неблагодарность прощена ль тобой,
Доволен ли небесною судьбой,
Столь много претерпев трудов, сражений,
Столь много испытавший поражений,
Холодного отчаяния и солнечной надежды,
Уже ль истлели твоего величия одежды,
Униженный и цели не достигший,
Своих трудов земных не завершивший?
Так вечно происходит с расой побежденной,
На рабство долгое судьбою осужденной,
Презрен спаситель их, душа, свобода,
Но подлость им зато верна до гроба.
Так древние Израиля сыны,
Своей свободе не сложив цены,
Их спасшего продали в рабство
И разделили меж собой богатство.

С душой своей ты также поступила,
В разрушенный свой дом отчаяние впустила,
Крушенье с пораженьем призвала
И темной силой их творила низкие дела.
Такое было время. Так Геракл
В изгнаныи за морями плакал,
Не видя Феба и других богов,
Блуждал глазами вдоль чужих берегов.
Однако не оставленные небом благородные мужи
Тебе без видимой награды призваны служить,
Ни славы не ища, ни почитанья.
Ни радости, ни горькие страданья
Их не заставили склониться пред неправдой.
Скорее, смерть была для них наградой.
И ты, о дух высокий, мощный гений,
Деяния наполнишь новых поколений,
Чтоб и они могущество вкусили
И вдохновенья твоего испили.
Но не одной своей страной ты будешь призван —
Любой высокою натурой признан,
Когда бы, где бы время ни назрело,
И ненависть людская ни прозрела
И ни признала угнетения обиду.
Поскольку приближает Немезиду
Несправедливость, ею рождены

В поверженных народах страшные сыны:

Обман, тщеславие, безумие, насилие, презрение.

Тогда глаза от боли обретут прозренья,

И смелый твой призыв услышат уши,

Придут отлитые в божественную форму души

И вознесут тебя над тронами людей,

И ты возглавишь новую династию царей.

1896

Чарльз Стюарт Парнелл

1891

О бледный свет звезды, теперь ты неизвестен.

Освободитель, ранее почтенный, ибо палачам

Ты ненавистен был и страшен, страшен, оттого и ненавистен,

Кто их предал своим отточенным мечам!

Ты тоже сыном был трагической земли,

Который понапрасну прожил дни свои.

1891

Ночь на море

Знай, Любовь, секундам счет!

Ночь в душе моей растет.

Красоту свою упрячь

В мрак ее и горький плач.

Поцелуй не восхищает —

Мысль душу похищает.

Обжигающие взоры

Невозможны, пали шоры.

Словно голуби они

Над источником Любви.

Ярче тьма, в седом дозоре

Пена на тревожном море.

В этом отдыхе садов,

В свете пламенных цветов,

В золоте нарциссов мягких

Иль среди кадилъниц ярких —

Гроздьев жимолости нежной,

Чье дыхание безбрежно,

Здесь, где лето утвердило

Тишину средь звуков мира,

Здесь, Эдит, не место горю.

Ты прислушивайся к морю.

Отчего же голос горя

Здесь тревожит счастье моря?

Ветр, что все в себя вмещает,

Море-сплетник посвящает

В тайны всех сердец разбитых,

В радостных годах сокрытых.

Дети лета, что мы спорим

С мрачным и суровым морем?

Нет, не только нам знаком

Океана грозный стон.

В этом доме из цветов,

В тайной сладости часов

Многих девичьи уста

Медом, что дала весна,

Напоили, нежных щек

Много пыл любви зажег.

Многим юноша прекрасный

Объяснялся, сладострастный,

Алы губы целовал,

Путь к блаженству открывал.

Здесь увидели они

Вечер, что зажег огни

Звезд упорных в небесах,
Бдящих на своих постах,
Моря буйное стремленье,
Здесь они узнали пенье
Быстрой плещущей волны
И полуденной пчелы.
Все прошло. И больше нет
Розы, чей волшебный цвет
Им гирляндой славы стал
И подошвы целовал.
Свет весны давно погас,
И зимы уж слышен глас.
Дар красы и безмятежность,
Сладких губ медовых нежность,
Щек румянец, край Любви,
Жар, пылающий в груди —
Все отвергнуто весной,
Став обманутой мечтой.
Имя, чье произнесенье
Как дорийской музыки пенье,
Что способно оживить
И цветенье подарить
Тем, кто страстно повторяет
Эти буквы, умирает.
Кто мы, если не цветы?

Наши дни уж сочтены?
Можем ли, с годами споря,
Стать безбрежными как море?

Может быть они исчезли
В адском пламени и бездне?
Им теперь одна отрада —
Проходить кругами ада?
Где теперь они блуждают?
Их чащобы окружают
Там, где солнце не встает,
Лотос счастья не цветет?
Где бы ни были они,
Все же им друзья верны.
Леты воды их забрали.
Памятью они все ж стали.
Платит смертью красота
За прекрасные лета.
Только память есть, и вскоре
Мы исчезнем, как и море.

Потеряем мы, уввы,
Молчаливый блеск луны
И сияние ночное,
Свет вечернего покоя,

Не доставит нам восторг
Озарившийся восток,
Ветра не услышим песнь,
Что весны приносит весть.
Никогда нам не лежать
Под ветвями, не бежать
Под дождем и на просторе
Никогда не слушать море.

Поцелуй рассеет мрак —
Мысли, что наводят страх.
Поцелуй меня, Эдит.
Скоро ночь, ей свет претит.
Дети мертвые Природы
Жизни вновь вкушают воды,
И сиянье в небесах
Вновь горит в земных глазах!
Пусть Любви долги тобой
Мне оплатятся с лихвой.
Миллион с тебя, спеши,
А не то в ночной тиши
День закончится, а там
Вечный сон придет и к нам.
Вот луна уж засветилась
И по небу покатилась.

Сердца двери мне открой,
Я пребуду там с тобой
Как цветок индийской розы,
Что дождя настигли слезы,
Рядом с тем, что жизни мило,
Что Природа сотворила,
Пребывая вечно в споре
С мыслью, что тревожит море.

Увиденное

Она в своем саду уснула, рядом — серая стена.
Береза, состраданием полна,
Раскинула над ней шатер своих ветвей
И запретила Солнцу любоваться ей,
Ему не оставляя никакой надежды.
Не шелохнулись даже легкие одежды.
Неслышно крался ветер, облако внимало,
Листва на дереве таинственно шептала,
И, охраняя тишину прекрасных грез,
Сидел на ветке молчаливый дрозд.

Отчаяние влюбленного

О жалобно поющая свирель,
Небесный свой язык освободи,
Издай свою божественную трель,
Созвучную тоске в моей груди.
Ты выросла в серебряной воде,
Аркадский Пан учил тебя игре,
В прекрасны губы нежно целовал
И звуки слаще речи издавал.

О жалобно поющая свирель,
О том, как Низа Мопсу отдана,
Чернявой ночи — бледная луна,
Поведай мне теперь игрой своей.
Кому дары любви надежда принесет?
Прекрасный дом царя, скорее, обойдет.
Теперь уже сорняк повенчан с розой,
Обычный плющ с волшебною мимозой.
Возлюбленный счастливый, что ж, вкушай блаженство!
Возлюбленный счастливый, пей земное совершенство!
К тебе золотая Цинтия явилась,

К тебе звезда с Небес, увы, спустилась.

О жалобно поющая свирель,

Прошу, утешь, утешь меня скорей.

Я думал бархата Любовь нежнее

И ветра слез — росы ночной вкуснее,

Прохладна как вода из горного ручья

И как фиалка, что в траве, ничья.

Но холодна она как сердце гордой Низы,

И к морю горьких слез ведут ее капризы.

О жалобно поющая свирель,

Однажды утром с пением ветров

И с ароматом сладостным цветов

Она пришла как вешняя капель.

И попросила сочные плоды,

Что осень сохранила до поры.

Я дал ей сладких яблок золотых

И груш чудесных, соком налитых,

И проследил, чтоб все прекрасным было,

Но странное желание меня смутило,

И сердце, полное любви своей,

Я вместе с блюдом сочным подал ей.

О жалобно поющая свирель,

Она подарка этого гнушалась
И над сердечной мукой потешалась,
И предо мною с легкостью закрыла дверь.
Теперь же Мопс ее в своих руках
Сжимает точно в каменных тисках,
Тот Мопс, с которым даже Муза
Не пожелала заводить союза.

О жалобно поющая свирель,
Проталины, я вашего блаженства не нарушу,
И не раскрою вам горюющую душу,
И с декабрем не вторгнусь я в апрель.
И раз уж больше не увижу я
Прекрасной вашей красоты, что в свете дня,
Сияет точно в сумраке ночном
Как блеск ее волос, что светит днем,
И раз уже ею мне не обладать,
Последнее "прости" позвольте вам сказать.

Меня теперь нигде уже не ждут,
На край земли ведет меня мой путь.
К подземным водам Леты я спущусь
И черными волнами унесусь
Туда, где только скорби песнь слышна.
Свирель послушная мне больше не нужна.

Умолкни, вод прибрежных менестрель,
О жалобно поющая свирель.

Любовь и страдание

Любовь, ты помнишь бледный тот закат,
Когда с лугов печальный ветер дул
И словно буйный поворачивал назад,
И в призрачной реке, рыдающий, тонул.
Я знаю, что Природа внемлет нашему страданью
И, внемля, плачет вопреки желанью.

Мы были странники, Судьбы своей не знали,
Нас ожидающей коварно на пути.
Мы не могли найти себе товарища в печали
И не надеялись его в любви найти.
Скорее, с одиночеством готовы обвенчаться
И с ним на веки вечные остаться.

Никто на свете не любил меня.
За что, увы, такого полюбить?
Ведь я — страдания и горести дитя,
И даже мать меня готова позабыть.

И юности моей и радости попытки —
Всего лишь жалкие старания и пытки.

Тогда я щеку приложил к холодному стеклу
И прошептал: "Я с горем обручен.
И жизнь моя что лист, дрожащий на ветру,
Который трепетать и плакать обречен,
Мне стала до того теперь горька,
Что смерть, наверное, окажется легка.

Как я устал от бесконечных дней,
От яркости луны и света звезд,
От солнца, что сияет все сильнее.
Я мог бы умереть, не видеть грез.
Устам моим не смех, а смерть — услада,
Не споры жаркие, а скорбная прохлада".

Так я шептал, не думая о том,
Что кто-то может услышать меня.
Но ты под ивами стояла за окном,
И речь моя встревожила тебя,
И стопы нежные твои траву примяли
В стремлении другого исцелить печали.

Сказала ты: "Мой брат, воздешь глаза,

Тебе сестра я, более несчастна".

Увидел я, как падает слеза,

И нежное лицо, печально и прекрасно.

И я поцеловал волшебные уста,

И сердце вмиг оставила тоска.

Расстались мы у мрачных куполов,

Что на пустынной улице молчали.

Тебя увидел я среди розовых кустов

Лишь на мгновение, и сумерки печали

Мои глаза опять заволокли,

И осень поглотила легкие шаги.

Мы были счастливы? Я знаю, что по мне

Одна лишь осень реквием слагает.

И радость, что рождается во мгле,

Все та же мгла с упорством пожирает,

Взывая: "Посмотри, любовь не может

Здесь жить, ее страдание ничтожит".

Я также знаю — призрачна надежда —

Но все же осень, что печальна и строга,

Не вечна. Зеленеет вновь истлевшая одежда,

И вновь весенним светом полнятся луга.

Поэтому не буду сердце принуждать,

Тебя, любимая, с весною буду ждать.

Могила на острове

Лишь океан и вечер. Медленный мотив
Холодных волн, подобный шелесту одежды,
Что раньше слышен был обоим, ныне слушает один.

Уже спешит к земле и дарит новые надежды
Пронзительный январь с холодными и ясными глазами,
И сыплет снегом, не смыкая вежды,

И возвещает новый год замерзшими слезами.

Случайно здесь тебя он может навестить
И тайный гроб украсить белыми цветами,

Случайно призрачные пальцы может запустить
В прекрасные распущенные волосы твои,
Дитя зимы, что умирает, жизни не успев вкусить.

Уже ль тебе так одиноко в этой сумрачной дали,
Что даже он тебя своим дыханьем остудить не может?

Увы, пока нарцисс не расцветет, терпи,

Я в этом одиночестве с тобою встречусь тоже,
И серая заря сочтет мои наскучившие дни,
И смерть мои страдания подытожит.

Банким Чандра Чаттерджи

Уже ли ты, о месяц радости и счастья, позабыл
Тот голос, что твоей душою был?
Кукушки зов, жужжание пчелы,
Зефиров и дождей прекрасные дары
И легкий смех, и слезы облегченья,
И мысли нежные, достойные сравненья
С жасмином, с лилией и с щебетаньем птиц,
Он сделал достоянием своих страниц.
И книги посвятил свои
Сердцам людским и пению любви.
О властелин восторженного слова!
Цветок прекрасный расцветает снова
В твоих строках, которые звучат
Как бусы женские и гомон нежных чад,
Как сладкий смех и как листвы шуршанье,
Что шепчет ветру. Дарят пониманье

Восторга эти строки тем,
Кто в них читает столько милых тем.
Природа вся — в странице, но не просто шоу,
Мы видим здесь саму людей основу.
О радостной Бенгалии холмы, поля и реки,
О дивная земля любви, цветов и неги,
Весенних птиц и ласковых ветров,
Реальной стала ты от этих слов.
Душа твоя едина с этою душою,
Божественность саму он сравнивал с тобою.
Он добр был и был подобен богу,
Что в свет и счастье проторил дорогу,
И красота его подобна тем цветам,
Которые ложатся на доспехи смельчакам.
Так в наше время, что на подлости богато,
Блаженства лишено, влекомо жаждой злата,
В пустыне посадил он семя розы
Своим прекраснейшим из всех звучаньем прозы.

1890 — 1900

Сарасвати и лотос

Банким Чандра Чаттерджи. Обиит 1894

О мать, ты плачешь на его груди,
И капли слез твоих как мед чудесный.
Но даже сладость их не в силах возродить
Прелестный свет и аромат небесный.
Питает светлый, ароматный мед
Бессмертные уста того, кто мертв.

1894

Гете

Прекрасное лицо средь варварских оскалов,
Прекрасный голос, что чарует строгой рифмой,
Суровый критик, чья бессмертна слава,
Смиранный путник несравненных ритмов.
Ты силою своей тревожил слабый век.
Ты — немец, а писал как грек.

Павший освободитель

Пифический, пришел он. Под его пятой

Простерта гидра мира с мертвой головой.

Напрасно, потому что колесо Судьбы

Назад не повернуть, и если да кабы...

Но пулю уготовила Судьба,

Поскольку вера женщины слаба.

Мадхусудан Датт

Поэт, ты первый смог изречь

С величием Бенгалии божественную речь.

Божественную, но, скорее, сладкий стон

Златая мать весны, счастливый звон

Любви и пенье птиц небесный

Умела выражать в словах чудесных,

Скорее, ими полнилась молва,

Пока спокойного достоинства слова

(Того достоинства, которое богам присуще,

Звучащее с высоких тронов, всемогуще)

Не прогремели голосом твоим,

Подобные шумам и запахам морским.

Хвала тебе, кто выразить сумел

Дыхание ветров и пенье стрел,

Скитания встревоженных богов,

Хвала, поскольку ты звучанием стихов
Ее богоподобной сделал, а не только нежной.
И все же сердце больше тронуто надеждой
Твоих волшебных флейт, и больше Муза
Твоя бродить любила в поисках союза
Не с тронами царей, а с нежной Ситой в роще
Счастливого цветения (что может проще,
Чем голоса Любви звучать и слаще!)
И с Шурпой в Виндхианской чаще
И сердцем радостным своим к земле прижаться
Священной, оттого что могущей в словах прекрасных отражаться.
И больше песни чудные твои
Дарили света, радости, любви.
В них — пенье вешних птиц и лето, и цветы,
И шепот вод, и горькие часы
Ее, божественно любимой.
Еще ничья рука такою силой не была водимой,
Такие звуки — не земли несовершенной,
Скорее, речью рождены священной,
Сам бог на нежной флейте их сыграл,
Сам бог перо брал в руки и писал.

Энвой*

Ite hinc, Camenae, vos quoque ite jam, sane

Dulces Camenae, nam fatebimur verum

Dulces fuistis, et tamen meas chartas

Revisitote sed pudenter et raro.

О бледные стихи, увы, напрасно,

Пытаясь в небеса взлететь, махали вы крылами.

Творения эллинской Музы, что прекрасна,

Уродцы, порожденные шестью несчастными годами!

Не вашей матери пугающая ваша красота,

Ведь не ко мне любовь моя вернулась.

Надежда, что влекла писать меня в те юные лета,

Невыносимой мукой обернулась.

Подите прочь, живите без меня,

Конечно, если вы способны жить, не причиняйте боли,

Тоскою старой и мечтой маня,

Виденьем красоты, которое я больше не могу себе позволить.

Поскольку не брожу уже в оливах сицилийских

И редко вспоминаю их,
И больше не ищу дорог афинских —
Уже к Парнасу не влечется стих.

Уж Сарасвати позвала меня
В те царства, где снега не тают,
Где Ганг впадает в южные моря,
Тот Ганг, на чьих берегах цветы Эдема расцветают.

* Заключительная строфа поэмы. (Прим. пер.)